

Межпраздничная сказка

- Ник! Ник! – возглас пронзил тьму и холод ночного Калининграда, местами освещённого цветным огоньками. Ночь с 24-го на 25-е декабря – та, когда дети западных народов – немцев, литовцев, поляков – получали подарки, ожидая ли в постелях утра, или сразу открывая в сумеречном доме в ночь, когда можно не спать. Хотя большинство жителей города, для которых подарочная ночь наступала лишь через неделю, особо и не осознавали, что тогда деялось. И тем более ночные прохожие не связывали с особой датой лёгкую и тонкую фигуру, что мчалась с зовом «Ник! Ник!»

***

По-зимнему тёмным утром у заледенелой набережной, припав спиной к стене дома, сидел юноша. На вид хрупок и мал ростом. Зябко кутался в тёмно-зелёную курточку, подняв воротник, плотно надвинув багряную остроконечную шапочку на уши. Из-под одежды торчал лишь длинноватый курносый красный нос. Иногда юноша вставал и прыгал, дабы согреться, при том поражая этакой лёгкостью – словно танцевал. Тогда из-под воротника выглядывали его округлые, но не толстые румяные щёки, и лучше виднелись ярко-зелёные глаза и свисающие из-под шапки коричные кудряшки. В целом он казался удивительно привычным к холодам – иному бы на его месте было много хуже.

Что ещё удивительно – он сидел в одном из тех мест Калининграда, которые ещё напоминали Кёнигсберг: дома с остроконечными крышами, кирпичными стенами, деревянными перекладинами – то ли оставшиеся от старых времён, то ли построенные по новой моде, чтобы соответствовать колориту города. А таких мест было не так уж много, вопреки надеждам наивных туристов. Случайно ли юноша забрёл сюда, или специально решил дожидаться утра именно здесь, чтобы не видеть хрущёвок, шёл сюда во тьме?

Но вот из-за крыш показались первые лучи. Последний раз глянув на весёлые крыши, парень быстрым шагом направился к более высоким домам. Ни капли не смущаясь и не робея, он полез по подоконникам, карнизам и балконам, к самому верху, ловко как белка. Его увидела шкрябавшая лопатой дворница – одна из немногих, кто не спал.

- Девушка, – из-за стройного сложения она перепутала его пол, – немедленно слезайте, вы же свалитесь! Я щас позвоню в полицию, скорую, пожарную!

- Не надо! – крикнул он звонко, со странным мелодичным акцентом, не похожим ни на что. – Им есть, чем ещё сейчас заняться, а нас учат лазить! Серьёзно, не отвлекайте их в то время, когда многие неосторожно обращаются с фейерверками, а со мной всё будет в порядке! – ответ дворнице нисколько не мешал ему лезть, и вот он уже скрылся на крыше.

После этого он ловко перебирался с одного дома на другой – то пользуясь деревьями, то, если расстояние позволяло, делал точно рассчитанные прыжки, а иногда всё же приходилось спускаться, чтобы залезть снова. Он что-то высматривал на земле. И если бы кто мог проследить за его взглядом, заметить куда он всматривался внимательно, понял бы, что он искал Деда Мороза и Снегурочку, и желательно – Снегурочку. В это

время многие, в основном артисты ТЮЗов, наряжались в красные и синие шубы с белыми меховыми каёмками, девушки также заплетали или накладывали косы, мужчины – бороды, брали посохи и мешки. Вот такие силуэты и высматривал загадочный домолаз.

Первые попавшиеся дед мороз и снегурочка явно не понравились ему: «дед» был пьяным, валился с ног, «снегурка» орала на него. Юноша с отвращением поморщился и побежал к следующей крыше.

Других он встретил, когда солнце уже достаточно поднялось для детских развлечений. Те Дед Мороз и Снегурочка устраивали праздник детям во дворе. Вроде бы, они тоже не соответствовали интересам юноши: наряды на них были не «настоящие», магазинных типовых цветов, фабричной покроя. И всё же он засмотрелся на актёров. Они так весело играли с детьми, их шутки, задания и прочие слова явно шли от сердца, а не от сухого заучивания, и казалось, им самим нравилось танцевать, прыгать, водить хороводы.

«Хоть они и не те, кто мне нужен, – подумал юноша, – мне надо их поощрить...»

Он спустился с дома (за деревом, чтобы как можно меньше людей заметило), тихо, не хрустя снегом, как опытный следопыт, он подобрался к стоящему в сторонке мешку с подарками, достал из глубокого кармана большого, ярко раскрашенного деревянного шелкунчика, положил туда, и столь же бесшумно ушёл.

Потом с другой крыши он увидел девушку в белоснежном мехе с зимними узорами, которые он разглядел своим острым зрением. Его уверенность укрепило то, что она была без Деда Мороза. Юноша быстро спустился и подбежал к ней.

- Ты ведь настоящая Снегурочка? – с воодушевлением спросил он.

- Больной, что ли? – она отскочила от него гордо и презрительно, как кошка, и быстрым шагом пошла дальше.

- Нет, скорее уж Ледяная Дева... – проговорил юноша не без разочарования.

Затем он снова увидел пару Деда Мороза и Снегурочки. У них костюмы были если и фабричные, то качественно сделанные – не «попсовые» синий и красный, а ледяно-голубые, в инеевых рисунках.

«Ничего, что она с Дедом Морозом, иногда и он в это время обходит земли свои» – подумал юноша, спустился к ним и задал тот же вопрос:

- Вы ведь настоящие Дед Мороз и Снегурочка?

- О да, самые настоящие!

- Да, дедушка, конечно мы настоящие! А хорошо ли ты себя вёл в этом году?

От радости юноша не заметил их искусственный актёрский тон, и схватил «Снегурочку» за руку.

- Здорово! Я попал в беду, и только вы можете мне помочь! Скорей бы увидеть ваши волшебные сани!..

Снегурочка вырвала руку, прильнув к Деду Морозу, и тот замахнулся посохом. От испуга отпрянувший парень даже не сразу сообразил, что опять попал не на тех, и пролепетал:

- Стойте! Сейчас покажу...

Он резко снял шапку, и Снегурочка, глядя на него, закричала. Дед Мороз взял её за руку и побежал прочь.

Глядя им вслед, ищущий помощи опечаленно вздохнул, надел шапку, и больше не лез на дом, но побрёл куда глаза глядят.

Инстинктивно он старался держаться мест, где были гирлянды, ёлочки, прочие яркие украшения, и желательно музыка. Если он вдруг ненароком заглядывал на улицы, где царила серость, ему казалось, что камень давил его грудь.

Увидев магазин, витрины которого сияли разноцветными лампочками, он вошёл туда. Раздвижные двери, тепло, писк кассового аппарата, ёлка с иголочками из серебряной фольги, с синими и лиловыми шариками. Небольшая очередь покупателей – кто с новогодними делами, кто с повседневными хлебом, мясом и молоком, пухленькая продавщица в зелёной жилетке и колпачке эльфа Санты.

Юноша подошёл прямо к ней, галантно поклонился, приложив руку к груди, и степенно проговорил, с тем же странным акцентом, от которого казалось, будто говорило эхо – нет, слова не повторялись, но была в них некая воздушность:

- Приветствую, прекрасная Евгения Петрова, – он прочёл имя на бейджике, – Моё имя – Лорель. Не нужен ли вашей лавке помощник? Я обстоятельный, знаю многое о сути товаров, умею мастерить и чинить по дереву, коже, металлу и даже немного по современным электрическим аппаратам, и, не смотрите на тонкое сложение – достаточно сильный.

Евгения остолбенело смотрела на него, и, моргнув пышными ресницами несколько раз, ответила:

- За «прекрасную», конечно, спасибо, но с этими вопросами не ко мне, я продавщица.

- Но разве вы не должны отвечать за хозяина лавки? – спросил он даже не с укором, но просто слегка недоумевая.

- Не знаю таких правил, – пожала она плечами, – идите к администратору, и не задерживайте очередь.

Расспросив, как дойти до администратора, он, в буквальном смысле откланиваясь, изрёк:

- Благодарю вас. Недаром ваше имя значит «Благородная», а фамилия – «Дочь Камня». Вы знаете свои обязанности и твёрдо стоите их.

Евгения смущённо улыбнулась и даже помахала ему рукой.

Придя в кабинет администратора, Лорель поклонился ему в пояс. Если бы не плавность движений, кроткое выражение лица и время года, Иммануил Лазарев (так звали администратора, молодого, но солидного человека) подумал бы, что над ним издеваются. Но так он счёл это за милый новогодний приёмчик и выслушал все те же слова, что незнакомец говорил продавщице.

- Это всё, конечно, прекрасно... – протянул он, теребя пальцем верхушку маленькой настольной ёлочки. – Но мы не давали никаких объявлений, у нас нет вакансий. Вы откуда пришли, по чьей рекомендации?

- Меня потерял мой хозяин, и я застрял в этом городе. Мне бы продержаться хотя бы до Нового Года, а там посмотрим. Я готов работать бесплатно, лишь бы мне давали кров и

пищу эти семь дней. Я всю эту ночь не спал и со вчерашнего числа не ел. Я хочу лишь не мёрзнуть и не голодать на улицах, а уж это я смогу отработать.

- Простите, но у нас не мотель, чтобы давать вам пищу и кров. Я могу вам указать один поблизости, может даже подумать, как бы вы могли заработать на него... Я, конечно, не обязан это делать, но раз такая ситуация, да ещё новый год...

Лорель ностальгически вздохнул.

- Помню, под Рождество у сапожника Михельса мы со всеми подмастерьями скромно, но весело пировали под крышей мастерской... И Ганс, который, каким бы простаком ни был, так ловко и прочно забивал гвозди в подмётки, пел песенки...

- Ну извините, со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Не знаю, как у вас... где? В какой-то провинции Германии? Разная же она – Германия... Или где-то в Южной Европе? Интересный у вас акцент... Впрочем, может быть нам пригодится какой-нибудь грузчик, не могу, разжалобили вы меня. Паспорт у вас хотя бы есть?

- У меня есть только такой документ. – не без тихой гордости Лорель достал из-за пазухи медальон в виде восьмиконечной звезды.

Иммануил с минуту смотрел на него задумчиво, вспоминая об обещанной предновогодней проверке, покопался в ноутбуке, после чего говорил по мобильнику с неким Лёхой, расспрашивая, принимает ли он ещё нелегалов, и расписывая достоинства странного иностранца (включая «старомодную такую манерность» и «приятный, южноевропейский вроде бы голос»). Положив трубку, дал Лорелю адрес, предупредив о грязных условиях и суровом обращении Алексея. Напоследок, чтобы не отпускать потерявшегося совсем голодным, неохотно предложил ему печенье в виде ёлочек из вазы и налил кофе со словами «Конечно, *оно* не ахти, но лучше чем ничего».

Лорель перекусил, и затем ушёл, поблагодарив за угощение и за адрес.

Он не спешил идти к «Лёхе», и брёл как в воду опущенный, думая, что ещё можно сделать. Вот навстречу ему шла ещё одна «Снегурочка», в костюме цвета ближе к «магазинному синему», но всё же неплохом, который мог бы быть настоящим.

- Не ты ли настоящая Снегурочка?.. – спросил Лорель уже не так уверенно, и всё же с надеждой.

- Ну... да, я настоящая. А чего ты грустишь? – улыбнулась девушка.

Лорель медленно приподнял взгляд, и в его ёлочных глазах начинал загораться робкий огонёк.

- И ты поможешь мне в моей беде?..

- Уж постараюсь. Чем я могу помочь?

- Мне очень нужны волшебные сани, чтобы вернуться домой...

Снегурочка мягко засмеялась, но улыбка быстро сошла, когда она взгляделась в серьёзные глаза юноши...

***

Катя (так звали «Снегурочку») и странный юноша Лорель шли по набережной, поглядывая на торжественный остров Канта и весёло-немецкие дома вокруг.

- И ты думал встретить настоящую Снегурочку?..

- Да. Я знаю, что в последние дни года она обходит места, где они с дедушкой будут развозить подарки. Иногда обходит и сам Дед Мороз, но всё же скорее можно встретить его внучку: у него-то и так дел много – читать тысячи писем, перепроверять готовность и целостность подарков... Я не знаю, ходит ли она по Калининграду именно сейчас, сегодня, но на этой неделе у меня есть небольшой шанс встретить её. Если не повезёт, то после Нового Года мне придётся изыскивать другой способ вернуться домой...

Трудно мне будет со всеми современными человеческими способами путешествовать – со всеми этими билетами, паспортами, деньгами... – Лорель неприязненно наморщил длинный нос. – А когда дойду до последнего людского рубежа, придётся ещё преодолевать пустыню с опасными чудовищами.

- А нельзя их как-нибудь встретить прямо когда они будут развозить подарки? В Новый Год, ночью?

- О, тогда Дед Мороз работает с тонким новогодним волшебством, замедляя время, чтобы успеть одарить всех детей. Ни смертный, ни бессмертный не может попасть именно в его течение времени и пространства, если только он не великий волшебник или не колоссальный везунчик.

- Ну ладно... Будем высматривать Снегурочку. А если не получится – я тебе помогу чем смогу.

- Спасибо. Спасибо тебе, Катя, что выслушала меня, поверила и не испугалась даже когда я снял шапку.

Она засмеялась.

- Да чего тут бояться-то?

- Всё равно спасибо. Хоть ты и не настоящая Снегурочка, но близка к этому.

- Да ладно. Молодой начинающей актрисе, – она говорила эти слова с явной самоиронией, пусть и без горечи, – надо же как-то заработать под Новый Год. Мне бы лучше подумать, как тебе помочь по существу... Всё же такие как ты, нужны, нельзя тебе пропасть. – следующие речи могли бы показаться странными, если бы перед Катей был какой-то случайный человек с улицы. Но Лорель не был случайным, и Катя была абсолютно уверена в том, кто он, к тому же он приходился ей почти коллегой. – Я живу в общежитии, комната маленькая, тебя деть некуда... Мои родители, наверное, не поймут, если я попрошу приютить тебя... Так, есть один рискованный вариант: я пока поживу у родителей, всё равно я собиралась к ним заехать на Новый Год, и так они только больше порадуются. Ты же под моим видом будешь заходить в общежитие. Мы как раз примерно одного роста, – действительно, Катя была умеренно-маленькой для девушки, а Лорель весьма маленьким для мужчины, – наденешь мою повседневку, а я до родителей и в шубе Снегурочки дойду, она тёплая. Главное – всегда держи воротник высоко, и ни с кем не говори. А пропуск тётке Тане можно и молча показывать. Едой я с тобой поделюсь. Я, конечно, не пирую каждый день, но если есть одна сосиска, и её можно разделить пополам, тем более что родители меня наверняка угощать будут, я тебе буду приносить что-нибудь.

- Ещё раз спасибо тебе, Снегу... Катя. Ты очень добрая. Но меня тяготит, когда я получаю, ничего не отдавая взамен. Я был бы ещё благодарнее, если бы ты нашла мне

дело на эту неделю. – тут он загорелся энтузиазмом. – Ведь твоя работа – устраивать праздник детям? Так устрой меня к вам! Уж кто-кто, а я должен знать в этом толк! – и он даже радостно припрыгнул.

Она призадумалась, и как-то робко и извинительно ответила:

- Ну, ты же понимаешь, не я решаю, кого принимать на работу... Я, конечно, могу брать тебя с собой на утренники, но зарплату тебе платить никто не будет...

- Ничего. – Лорель успокаивающе махнул рукой. – Считаю, я просто помогаю тебе с утренниками, а ты в благодарность помогаешь мне.

- Ну что ж, договорились. – Катя улыбнулась до ушей. – Только мне ещё надо как-то договориться с начальством, чтобы утренники мне давали где-то на середине пути между общагой и моим домом, чтобы на транспорте не разориться...

- О, за моё перемещение по городу не беспокойся. – и юноша хитренько посмотрел краем глаза на карниз одного дома.

Впоследствии Лорель не забыл снова зайти в тот магазин, чтобы извиниться перед администратором, что уже не сможет поработать на его товарища Алексея. Иммануил только дивился учтивости странного юноши.

***

У ребят в детском саду самое разное настроение. Кто-то дует на воспитателей и родителей, что их сначала заставили учить стихи, затем приволокли на этот скучный праздник в этом неудобном «серьёзном» костюме, и скрашивает эти долгие минуты лишь надежда на компенсацию в виде коробки конфет. Другие радуются предстоящему веселью.

Обряд, знакомый всем по мульту «Ну, погоди»: все зовут Деда Мороза и Снегурочку. И они выходят, начинают поздравлять, шутить, танцевать с детьми. Уже некоторым из ребят-скептиков праздник начинает нравиться.

А затем Снегурочка говорит, что в этом году им с дедушкой помогает ещё один сказочный персонаж. И выходит маленький стройный юноша в смешной шапочке. И взрослые, даже актёр, играющий Деда, не подозревают, что вся его печальная история, которую Снегурочка рассказывает – чистая правда, а не просто сценарий для утренника с учётом калининградского колорита. Даже когда юноша снимает шапочку, лишь одна мама шепчет другой: «А хороший у них грим». А дети? Некоторые думают, как взрослые, но готовы весь день считать, что это всё правда, ведь иначе интересной игры не получится. А другие, может, и верят. Наверное – те, что смотрят на Лореля с широко раскрытыми глазами и ртом...

А новичку предоставляется честь зажечь ёлочку. И это важное действие он предваряет словами: «Вы знаете, раньше я не любил электрические приборы, думал, они портят сказку, которая может быть только при таинственном свете свечей или камина. Но потом понял, что и с электричеством можно творить сказочные чудеса, и неплохо поднатерел в этом!»

Он делает пасы руками, произносит заклинания, и гирлянда загорается, и дети ликуют. И включает музыка, и Лорель плавно танцует, и лампочки перемигиваются ему в такт. Дети танцуют с ним – один за другим просто подходят, даже если не умеют танцевать –

просто потому что вдруг захотелось, или увидев неуловимый приглашающий жест, слившийся с танцем.

Вот танец как-то незаметно переходит в игру – то ли догонялки, то ли игра с воздушными шариками, где их надо то ли бросать как мячики, то ли лопать... А ёлочка всё перемигивается – кажется, тщательно сопровождая игру. Под конец юноша ведёт себя так, словно игра всё это время была с танцем, и танцует с очень маленькой девочкой в салатовой платянице – одной из тех, что смотрела на него круглыми глазами. А после этого Лорель спрашивает, какие в детском саду есть игрушки, которые можно бы оживить. Зачарованные дети подносят ему кукол, мишек, роботов, супергероев – кто своих любимых, кто наоборот – не очень любимых, чтобы не рисковать. Праздник из шумного очень быстро превращается в тихий. Дети затаив дыхание смотрят, как юноша перебирает игрушки и достаёт из кармана разные мелкие детали, вполголоса рассказывая что-то о механике и электричестве. Одна девочка всё-таки решает забрать из кучи любимую куклу, поберечь её. Вставленных деталей почти не видно после подготовки. И игрушки ходят, танцуют или маршируют – кому что больше подходит – под ёлкой, которая для них как большой мир.

Потом следуют и другие развлечения, придуманные уже Дедом Морозом и Снегурочкой, но новичок неизменно помогает им. Детям уже не так уж в тягость рассказывать стишки. И в конце та девочка в салатовой платье просит Лореля прийти и на следующий Новый Год, даже если он не потеряется опять.

***

Так прошло несколько утреников. Каждый раз – с детским ликованием, и иногда с благодарностями родителей, воспитателей и учителей. И Лорель смотрелся в этом как в родной стихии. Для Кати же поначалу это была пусть и любимая, но работа, затем же, глядя на то как дети радовались Лорелю, который не играл, а жил, она и сама начинала ощущать её как нечто родное.

Между выступлениями юноша лазил по домам и высматривал Снегурочку. Катя не могла лазить как белка, но тоже держала ухо остро. Правда, всё безуспешно. Но печаль лишь мелькала в приопущенных глазах Лореля, когда он говорил, что не нашёл никого; затем он будто забывал об этом, глаза вновь загорались, и он спрашивал, когда следующий утреник, сколько детей, будут ли они в карнавальных костюмах. Словно он не стремился таким образом пережить неделю в чужом городе, а всегда жил тут и занимался детскими праздниками, а поиски Снегурочки – так, временная цель.

Пару раз он и Катю заводил на крыши – тайными лестницами, надёжными ветками. Она немножко боялась, но ведь сама просила о том. И конечно, поиск Снегурочки был только предлогом: просто лазить по крышам было интересно. И даже весёлые старые немецкие домики становились необязательны. Сверху, с пустой как ладонь крыши, даже в квадратных серых коробках, покрытых снегом, виделось что-то сказочное, что-то такое спящее и ждущее. И стояла тишина, Катя и Лорель глядели вдаль, затаив дыхание. Затем садились куда придётся, и молча ели пирожки Катиной мамы. Лорель нахваливал её салатики и жульенчики, но тем, что он ел пирожки молча, окидывая взглядом безмолвный город, как бы заверял, что её еда – то, что стоит есть. Иногда он

обменивался с Катей взглядами, в которых сочеталась глубина смыслов и лёгкость отсутствия смыслов.

***

Когда подошло окончание очередного утренника, группу детей вывели из уютного кафе близ реки Прегель. Лорель невзначай, не по программе, стал играть с ними в снежки. Какие-то родители увели детей сразу, другие дали побегать, попрыгать, покидать, посмеяться и покричать.

Но вызвать веселье детей хоть и сложно, но не так хитро, как вызвать тишину посреди веселья. А Лорель смог. Он был в самом сердце всей возни, её главным участником, и делая загадочные жесты и гримасы, как бы успокаивал волны детского веселья, пребывая в их ритме. И когда две трети детей затихли, внимание словно само собой обратилось на Танец Феи Драже, который звучал из кафе, но при этом будто был единым целым с воздухом и медленно кружившими снежинками, как бы наполнял всё сладким напряжением, которое вот-вот должно было разразиться чудом. Почувствовав это, затихли и остальные дети.

- Дети, а вы знаете, какой известный человек родился в этом городе, когда он ещё назывался Кёнигсберг? – спросил Лорель полущёпотом, прикладывая палец к губам, словно предлагая причаститься к тайне.

- Кант... – робко проговорила одна девочка.

- Да, Кант тоже. Но о нём вы лучше узнаете, когда вырастете. А ещё одного вы наверное уже знаете. Ну же, подсказка здесь, вы её слышите...

- Гофман! – бодро воскликнул мальчик.

- Верно! Это он сочинил сказку о Щелкунчике и Мышином Короле, по которой Пётр Ильич Чайковский написал балет, музыка из которого звучит. А давайте подойдём к берегу... – он поманил рукой, и заинтригованные дети последовали. И поглядев на лёд, поняли, что видят нечто необычное, а вот что – не могли уловить. А затем увидели, что медленно плывущие мутности подо льдом будто бы имеют форму разных персонажей. Правда, ещё долго думали, не показалось ли, и так ни один персонаж и не стал отчётливым. Вот сам Щелкунчик, угловатый, вызывающий сочувствие своей нескладностью, но и восхищение отважным видом. Вот робкая крошка Мари – хоть глаза её и нельзя было разглядеть, но даже так чувствовалось, как глубоко она глядит, в самую суть. Вот невыразимо извернувшийся хитрый Дроссельмейер. Вот непонятный ворох голов и лап – страшный Мышиный Король. И другие – игрушки, мыши, принцесса Пирлипат...

И пока всё эти призраки плыли под музыку, Лорель рассказывал затихшим детям:

- Давным-давно люди решили, что если делать всё по разуму, то всем станет хорошо, и мир будет работать как механические часы. Конечно, делать по разуму и стремиться к лучшему – это хорошо... Но не стоит быть слишком самоуверенным и думать, что всегда всё будет работать как часы. Люди совершили много ошибок, а кроме того сделали мир скучным. Многим это не понравилось, и потому тогда появилось много сказочников, которые боролись со скукой и учили, что кроме разума есть и другой взгляд. Особенно много – в Германии, которая тогда была очень несовременной,

старинной страной, которой правили множество князей. Тогда появились и братья Гримм, собиратели народных сказок. И Вильгельм Гауф, которого вы наверное знаете по сказкам «Маленький Мук» и «Карлик Нос». И Фридрих Фуке, автор очень печальной поэмы о русалке, которую перевёл Жуковский. И Амадей Гофман. Но он писал не только для детей, ведь запутались с разумом взрослые. И многие его сказки – страшные. Их вы можете прочитать, когда станете взрослыми. Ведь неверно думать, что сказки могут читать только дети.

Тут Лорель встал так, чтобы загородить реку от самых маленьких, давая смотреть большим, бойким детям – ведь и некоторые образы подо льдом стали пугающими. Угрожающе занёс руку Песочный Человек, похожий на репу крошка Цахес противно ухмылялся, проплывал Принц пиявок...

Катя в наряде Снегурочки тоже смотрела зачарованно, ничем не отличаясь от детей. Затем послышался Вальс цветов, и образы будто растаяли. В отличие от Танца Феи Драже, в нём детям нравилось только начало, а остальная часть была скучновата. И они стали расходиться. А Лорель протянул Кате руку. Он приглашал её на вальс под открытым небом. Она особо не училась танцевать, но её ноги словно сами следовали за его ногами.

- Ты знаешь, я ведь стала Снегурочкой только чтобы подработать зимой... – тихо говорила она, кружась. А затем звонко рассмеялась глупости того, что хотела сказать. – Но теперь думаю, даже если стану голливудской актрисой с Оскарами, зимой всё равно буду Снегурочкой...

- Всё правильно. – кивнул Лорель.

- А ещё взрослые часто хорошо отзывались о наших выступлениях. И тебя думают нанять официально. И нас пригласили выступать на новогодней ярмарке... Не кремлёвский концерт, конечно, но для меня – большой успех. – она усмехнулась.

- Я рад, что помог тебе, Катя. – улыбнулся он и вздохнул. – А мне надо убираться из твоего общежития... Студенты заметили загадочную фигуру, что бродит в сумерках. Надеюсь, никто не заметил, что фигура спит в твоей комнате. Но ничего, я говорил со сторожем одного детского сада, и он предложил мне ночевать в его сторожке.

Дворники, сторожа – такие люди, которые немного соприкасаются с миром чудесного, как в старину пастухи и кузнецы, они понимают. Побуду домовым при детском саду, хоть я и не такой маленький как ниссе.

- Ну, хорошо, что так сложилось. – улыбнулась Катя.

Теперь заиграл бодрый марш из того же балета.

- Воистину, – обернулся Лорель к кафе, – немцы дали зимним праздникам ёлочные игрушки, китайцы – фейерверки, американцы – сияющие гирлянды, а русские – музыку! Без этого никуда! – и он стал делать жесты и произносить заклинания перед кафе. Всё оно было увешано лампочками, неоновыми вывесками, но горела лишь гирлянда на окнах. Своим колдовством же Лорель зажёт всё здание и заставил мигать в ритм. И музыка будто стала громче. И Лорель принялся танцевать с Катей быстрее, а вслед пустились в пляс прохожие, посетители кафе, оставшиеся от утра дети.

К концу парень и девушка кружились у самой реки, нисколько не боясь упасть на лёд. И когда музыка замолкла, обнаружили, что их обступили два широких полицейских.

- Так, по приметам это вы, товарищ городская легенда. Это из-за ваших крышелазаний произошло много ложных вызовов срочных служб...

- Но я же всегда просил людей не беспокоить службы! – воскликнул он.

- ... Кроме того, похоже, вы незаконно проникали на территорию общежития при театральном училище. А сейчас нас вызвал хозяин кафе, говорит, вы зажгли всё электричество в его заведении. Будем отвечать, голубчик?

- А вы кто будете, гражданочка? – спросил второй у Кати. – Наверное, можете много о нём рассказать?

Она боязливо смотрела на полицейских. Спереди были только их широкие плечи, сзади – река... На лёд которой и утянул её Лорель, поддержав её при приземлении.

- Больной, что ли?! – крикнула она, забыв обо всех чудесах, как самому бытовому придурку.

- Я не хочу ни сам попасться, ни чтобы у тебя возникли проблемы из-за укрывательства. Идём, тут в воздухе разлиты сонные чары, и они не запомнят твоего лица. Но иди точно по моим стопам!

Ничего не поделав, пришлось вызывать в себе чувство чуда, чтобы следовать за Лорелем по льду так же, как в танце. И как дрожала Катя, боясь оступиться и провалиться под лёд... Но когда чувство чуда всё-таки вернулось, и девушка пошла уверенно, оно сыграло и злую шутку: подо льдом вновь поплыли гофманские химеры...

- Ой-ой... – пискнула девушка и с трудом удержалась от того, чтобы прижаться к провожатому, нарушив ход.

- Да, эти чары я зря навёл... – протянул он.

А впереди их ждал остров Канта, с его густым тенистым парком и высящимся в холодное серое небо собором... Только бы добраться...

***

31-е декабря. Ярмарка началась в 14 часов, празднуя Новый Год в Камчатском крае, чтобы постепенно от самого востока России добраться досюда, до самого запада.

Множество лавочек, где продавались ароматные вкусности, игрушки, милые безделушки со всего света (в основном из Китая, ну и что ж). Огромная припорошенная ёлка. А Катя стояла в самом роскошном из костюмов Снегурочки – с кокошником и широкими рукавами. Вместе с Калининградским Дедом Морозом она в микрофон предваряла песни и конкурсы. Лорелю же решено было отвести лишь один номер в программе – всё же это русский Новый Год. Поэтому Катя переживала, что не справится без него. Но вняла его главному совету – говорить не по программе, а от сердца. Правда, не была уверена, что правильно соблюдает его... А ещё оба переживали, как бы никто не понял, что он – тот таинственный крышелаз.

Но больше всего Лорель грустил, что Дед Мороз уже вылетел, найти Снегурочку так и не удалось. Похоже, без шансов, придётся думать, как жить дальше... Даже выступление Лореля получилось каким-то нечудесным.

Праздник шёл, каждый час поздравляли следующий регион России. Воодушевление Кати истекало. Вот уже отзвонили московские куранты, приближался местный Новый Год... Во время одной песни она попросила отойти, сама не понимая зачем.

- Ты только не мешкай, – строго сказал «Дед Мороз», – скоро главное выступление!

Она попыталась не то чтобы удалиться от шума, но отойти так, чтобы слышать его приглушённым. И увидела, что из тёмного переулка на ярмарку глядит девушка. В одеянии удивительно-белом, но при том сразу всех цветов – как переливающийся снег. И словно от неё исходил холод, но не злой, а тот который «щиплет щёки». Не сомневаясь ни секунды, Катя подбежала к ней.

- Эй! Вы же настоящая Снегурочка!

- Ну надо же. – проговорила она по-доброму. – Не думала, что кто-то узнает меня.

- Я знаю, точно знаю. Вы должны помочь моему другу, он эльф Санты-Клауса, потерялся здесь... Пойдите здесь, пожалуйста!..

- Ну давай, приведи его. – сказала слегка удивлённая Снегурочка, но Катя едва услышала её, стремглав побежав, ибо до полуночи оставалось три минуты.

Она ворвалась в будку диджея, который допивал седьмую чашку кофе из картонного стакана и слушал, как откинувшийся на стуле Лорель расслаблено вещал ему о сути праздничной музыки.

- Идём скорее, там Снегурочка! – и ничего не слушая, она утянула друга, оставив диджея недоумевать.

К счастью, Снегурочка оставалась на месте. И когда двое подбежали к ней, будто воздух застыл. Казалось, снежинки замерли, но на самом деле они просто падали очень медленно. И из белой дымки торжественно вышел... Кто бы вы думали? На голове – тяжёлая ледяная корона, в руке – столь же царственный посох, и белая шуба раздавалась вширь, напоминая о снежных вершинах.

- И кто же это у нас тут, внученька?

Лорель снял шапку, отчасти из почтения, отчасти для удостоверения своей расы длинными острыми шевелящимися ушами.

- Моё имя – Лорель. Николай Чудотворец подобрал меня в восемнадцатом веке, вы же знаете, когда люди переставали верить в чудеса, и нам стало не место в мире. Но я ещё не был в числе тех, кто развозил с ним подарки. Почти триста лет я работал на мануфактуре с другими эльфами, ниссе и маврами, но я желал стать одним из лучших, которые летают с Николаем. И триста лет я учился. Ведь мир стал меняться стремительно – постоянно приходилось переучивать и нравы детей, и традиции, и технику. Но всё же я нагнал время. В этом году – моё первое Рождество, а эльф, что был до меня, ушёл на покой. И увы, я был так восхищён, что потерялся ещё на полдороге... Какое постыдное начало... Надеюсь, оставшиеся в санях эльфы справились и вдвоём. От вас я прошу только вернуть меня в Лапландию. – и он поклонился.

- Ну что нос повесил? – спросил Дед Мороз смеющимся утешающим голосом. Вернём тебя. Я как раз думал заехать к Николаю, давно не виделся с собратом по ремеслу. Но сначала мы должны докончить своё дело. Почти всю Россию, конечно, уже облетели,

но остаются ещё другие народы, что ждут нас на Новый Год и русские диаспоры. Что, может, сможешь нам? – он хитро улыбнулся в бороду. – Если справишься хорошо, и не потеряешься больше, замолвлю за тебя слово перед Николаем, и простит он тебя, и возьмёт на следующее Рождество. И не говори так «уввы, был восхищён». У нас восхищение – не порок, а достоинство. Порок – это неосторожность.

Лорель поднялся, улыбнулся до длинных ушей и подпрыгнул.

- Спасибо, Дедушка! – затем он обернулся к Кате и взял её за руку. – И тебе спасибо, что помогла продержаться. Я никогда тебя не забуду. Ты почти настоящая Снегурочка. И настоящая сказала почти настоящей:

- Вижу, тебе нужен особый подарок. – и она дала ей огромную, во всю ладонь, снежинку. – С ней ты можешь украшать всё зимними узорами. Как мы.

- А весной она растает? – спросила Катя, не возмущаясь подвоху, а просто смешливо улыбаясь.

- Растает. Но если ты пронесишь её в сердце весь год, следующей зимой увидишь, как она падает среди других снежинок. Смотри, не прогляди её.

Катя поблагодарила, а Лорель опечалился.

- Эх, у меня ведь тоже был волшебный подарок – щелкунчик, который, пока царит праздничное настроение, выдаёт сколько угодно сахарных орехов, вкусы которых никогда не повторяются. Но я отдал его первым деду морозу и снегурочке, которые мне понравились...

Катя крепко обняла его.

- Для меня лучший подарок – что я встретила тебя.

Он обнял её в ответ.

- Я обязательно вернусь. Может, весной, на льдине. Или ещё как-нибудь. Но вернусь.

И они долго простояли, обнявшись, чувствуя тепло щёк друг друга.

Снегурочка и Дедушка глядели на них растрогано. Но вот Мороз величаво откашлялся.

- Хоть время и идёт медленно по моему волшебству, но не стоит на месте. Жаль разнимать вас, но пора идти, Лорель.

И он пошёл к ним, скрываясь в белой дымке.

- Прощай, Катя! Прощай! – слышалось из неё. Девушка бы долго смотрела вслед, на опустевший переулок, но до Нового Года оставалась минута.

Она ворвалась в ту же диджейскую будку.

- Ставь «Снежинку» из «Чародеев»!

- Что?! – едва не пролил он так и *не допитое седьмое* кофе. – Велено было другое!

- Только «Снежинку». – и в её глазах блеснул ледяной огонёк, как у настоящей Снегурочки.

И под перезвоны и плавно ступающее «Когда приходит год молодой», она выбежала на площадь, создавая на флажках фигурный иней, и подбрасывая подарок, рассыпая кордебалет снежинок. Взрослые поражённо вздыхали, а дети ловили снежинки, или, кто более робок – рассматривали иней. И раздался аккомпанемент фейерверков.